

НОВЫЙ ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК НА ЮГЕ ХЕРСОНЩИНЫ В СВЕТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТЕПНОГО ЭНЕОЛИТА

**Ю.Я. Рассамакин,
Г.Л. Евдокимов**

Введение.

В предлагаемой статье продолжен анализ энеолитических памятников, исследованных в приморской степной зоне, расположенной между Крымским перешейком и дельтой Днепра. Здесь, при раскопках кургана 1 у с. Озерное, Скадовского района, Херсонской области в 1994 году Краснознаменной экспедицией ИА НАН Украины был открыт новый, крайне интересный позднеэнеолитический могильник. Этот могильник значительно дополняет ранее опубликованные материалы, происходящие с этой же территории [Збенович, 1976; Евдокимов, Рассамакин, 1988], что позволяет уточнить наши представления о формировании в данном регионе локальной группы памятников на рубеже энеолита и раннего бронзового века. С другой стороны, на примере данного региона можно представить общий процесс формирования в степи и отчасти лесостепи целой серии взаимосвязанных локальных синкретических в своей основе образований, создавших своеобразную “культурную” мозаику в переходный к эпохе бронзы период.

1. Описание памятника¹

Курган находился недалеко от села, на низком западном берегу большого пресноводного озера, которое в настоящее время соединено искусственным каналом с северной частью Каржинского залива Черного моря (Рис. 1). Курган не распаивался, но его северная и южная полы были сильно подрезаны при строительстве дачных участков. Высота кургана составляла 3,7 м от древнего горизонта, современный диаметр 50 м (Рис. 2). В кургане было исследовано 9 погребений: шесть позднеэнеолитических (№№ 2, 3, 5, 9, 4 и 6); два “ямной” культуры (№№ 7 и 8) и одно срубной культуры (№ 1).

Стратиграфия кургана:

В профилях бровок отмечено 5 насыпей:

Первая насыпь высотой 0,6 м была сооружена над группой поднеэнеолитических погр. 2, 3, 5 и 9. Она состояла из плотного илистого грунта. Насыпь окружал кольцевой ров, выкид из которого укреплял полы насыпи. Внутренний диаметр рва и насыпи с обкладкой составлял 14 м, внешний - 17 м, ширина рва 1,2 – 1,5 м, гл. 0,8 м. В восточной части рва дно имело повышение в виде ступеньки, шириной 1,5 м и высотой от дна 0,6 м. Внешний край рва был эскарпирован на гл. 0,3 м. В заполнении встречались фрагменты костей животных. На древнем горизонте, в 3,7 м к северо-востоку от погр. 2 и на таком же расстоянии к ЮЗ от него же, лежали соответственно 3 и 2 черепа быков².

В первую насыпь, несколько севернее от ее центра, было впущено еще одно позднеэнеолитическое погр. 4, перекрытое небольшой локальной досыпкой, смешанной с выкидом, мощностью 0,5 м, диаметром около 5,5-6 м. Затем уже было впущено последнее позднеэнеолитическое погр. 6, выкид из которого перекрыл досыпку над погр. 4. Над

¹ Описание материалов было подготовлено Г.Л. Евдокимовым. Оно соответствует отчетным данным с небольшими уточнениями [Евдокимов, Куприй, Генинг, 1994]. Остальная часть статьи написана Ю.Я. Рассамакиным. В ней использованы результаты исследования, проведенного в рамках проекта, выполненного при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt - stiftung) в 1997-1999 гг. в Берлине и сданного в качестве монографии в печать.

² В тексте отчета не указан автор остеологических определений (Ю.Р.).

погр. 6 была сооружена большая насыпь из плотного темно-серого грунта, после которой высота кургана достигла 2,1 м, диаметр около 25 м. Затем было впущено ямное погр. 8, перекрытое следующей насыпью из рыхлого комковатого грунта пятнистой окраски, после чего курган достиг высоты 3 м, диаметра 35 м. далее следовало еще одно ямное погр. 7, перекрытое следующей насыпью аналогичной структуры. Последняя пятая насыпь из плотного темно-серого грунта с включением белоглазки была, очевидно, связана с погр. 1 срубной культуры.

Описание погребений:

Погребение 2, основное (Рис. 3,1), находилось почти в центре площадки, окруженной рвом. Яма овальной формы, ориентирована по оси СВ - ЮЗ, расширяется к ЮЗ, длина 1,4 м, ширива соответственно 0,7 и 0,9 м, гл. 0,5 м от древнего горизонта. Скелет подростка лежал в скорченном положении на правом боку, головой на СВ. Руки согнутый в локтях - правая под острым углом и прижата к груди, левая под прямым - на животе, кистью вниз. Перед лицом и за спиной, у таза, находились овальные ‘лепешки’ ярко-красной охры. У колен лежал кусок смолы³.

Погребение 3, основное (Рис. 3,2-5), находилось в 3,5 м к ЮВ от погр. 2. Яма овальной формы, ориентирована по оси В - З, расширяется к западу, длина 1,4 м, ширина соответственно 0,6 и 0,9 м, гл. 0,5 м от древнего горизонта. Скелет подростка лежал в скорченном положении на правом боку с разворотом на спину, головой на В. Руки согнуты в локтях - правая под прямым углом поперек груди, левая под тупым, частично на тазе. За черепом стоял сосуд (1), развал второго найден перед лицом (2). у черепа и перед тазом находились две круглые ‘лепешки’, сформованные из ярко-красной охры. У кисти левой руки лежала ‘лепешка’ смолы (Рис. 3,5).

Описание находок:

1. Лепной сосуд с небольшим плоским дном, яйцевидным туловом и невысоким вертикальным горлом с отогнутым краем венчика. Горло орнаментировано отпечатками шнура - горизонтальным рядом под краем венчика и группами из трех косо поставленных оттисков, доходящих до основания горла. Поверхность заглажена, тесто пористое, с примесью толченых раковин. Высота 10 см, диаметр венчика 8 см, дна 4 см (Рис. 3,3).

2. Придонная часть округлотелого плоскодонного сосуда с поверхностью желтовато-коричневого цвета и примесью ракушки в тесте. диаметр дна 7 см, сохранившаяся высота 9,5 см. (Рис.3,4).

Погребение 5, основное (Рис. 4,4), находилось в 1,5 м к СЗ от погр. 2, выкид отмечен в профиле бровки. Яма овальной формы, ориентирована по оси СВ - ЮЗ, расширяется к ЮЗ, длина 1,3 м, ширина соответственно 0,8 и 0,95 м, гл. 0,4 м от древнего горизонта. Скелет ребенка лежал в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Руки согнуты в локтях под острым углом и уложены на груди, кистями к лицу. Перед лицом найдена круглая ‘лепешка’ ярко-красной охры. За черепом и за спиной, на уровне локтя правой руки, лежали куски смолы.

Погребение 9, основное (Рис. 4,5), находилось в 1,7 м к ЮЗ от погр. 2. Яма овальной формы, ориентирована по оси СВ - ЮЗ, длина 1,2 м, ширина 0,9 м, гл. 0,35 м от

³ К сожалению, в отчетной документации не представлено более детальное описание кусков охры и смолы. Отчасти, очевидно, это объясняется плохой сохранностью последних (Ю.Р.).

древнего горизонта. Скелет ребенка лежал в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Руки согнуты в локтях, левая под прямым углом поперек живота, кистью у локтя правой руки. Правая - под острым, кистью у подбородка. Перед лицом и за спиной находились овалы лепешки” красной охры. У локтя левой руки - кусочек смолы. Кости и дно посыпанной охрой.

Погребение 4, впускное (Рис. 4,1-3), находилось в 2,5 м к северу от погр. 2, выкид отмечен на первой насыпи, к западу от могилы. Яма овальной формы, ориентирована по оси СВ - ЮЗ, расширялась к ЮЗ, длина 1,7 м, ширина соответственно 0,8 и 1,0 м, гл. 1,5 м от уровня впуска (0,6 м от древнего горизонта). Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на левом боку, головой на СВ. Левая рука сильно согнута в локте, кисть согнута под прямым углом перед лицом. Правая рука согнута почти под прямым углом, кисть направлена вниз и лежала у кисти левой руки. За черепом стоял сосуд (1), а у левого плеча найден кремневый отщеп (2). Перед лицом и возле стон находились “лепешки”, сформованные из ярко-красной охры. Скелет и дно посыпаны такой же охрой.

Описание находок:

1. Лепной сосуд с уплотненным дном, мешковидным туловом и короткой вертикальной горловиной. Поверхность темно-серого цвета, заглажена, тесто пористое, с примесью мелкотолченых раковин. Высота 11 см, диаметр венчика 7 см, дна 5 см (Рис. 4,3).
2. Кремневый пластичный отщеп без видимых следов обработки, размерами 5 x 4 см (Рис. 4,2).

Погребение 6, впускное (Рис. 5,1), впущено с поверхности досыпки над погр. 4. Выкид из могилы лежал на поверхности этой досыпки, к северу от ямы. Яма вдоль своей оси прорезана более поздним погр. 7 ямной культуры. Она имела овальную форму, ориентирована по оси В - З, длина 2,0 м, ширина около 1,1 м, гл. 0,6 м от древнего горизонта⁴. Судя по сохранившейся правой части скелета, погребенный лежал на спине с согнутыми в коленях и лежавшими ромбом ногами, головой на В. Правая рука слегка подогнута в локте, кистью у таза. Справа, у черепа, и возле кисти правой руки найдены сформованные “лепешки” красной охры. Череп окрашен такой же охрой.

Погребение 8, ямное, впускное (Рис. 6,1), впущено в насыпь, сооруженную над погр. 4, в 8 м к югу от него. Уровень впуска и выкид из погребения отмечены в профилях бровки первой южной бровки. Погребение совершено в яме с уступами. Верхняя часть (шахта) овальной формы, ориентирована по оси СЗ - Юн, длина 3,0 м, ширина 2,4 м. На гл. 4,4 м от “0”, в материковом грунте по периметру шахты были оставлены уступы шириной до 0,7 м, на которых сохранились остатки перекрытия из деревянных плах и слоя камки⁵. Ниже уступов погребальная камера имела четкую прямоугольную форму с выделенными углами, длиной 1,4 м, шириной 0,85 м, гл. 1,1 м от уступов. Ко дну яма равномерно расширялась на 10 см в каждую сторону.

Погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, головой на ЮВ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте почти под прямым углом, кистью вниз. У головы и возле таза находились скопления красной охры овальной формы. Кости

---

⁴ Очевидно, около 1,2 м от уровня впуска (Ю.Р.).

⁵ Около 1,5 м от уровня впуска (Ю.Р.).

и дно ямы были посыпаны такой же охрой.

Погребение 7, ямное, впускное (Рис. 5,2-6), впущено в центральную часть кургана, с уровня третьей насыпи, на поверхности которой к северу от ямы был отмечен могильный выкид. Погребение совершено в яме с уступами. Верхняя часть (шахта) прямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентирована по оси З - В, длина 3,3 м, ширина 2,4 м. На гл. 4,4 м от "0" в материковом грунте по периметру шахты были оставлены уступы шириной до 0,8 м, на которых сохранились остатки перекрытия из деревянных илах и толстого слоя камки. Ниже уступов погребальная камера имела прямоугольную форму с выделенными углами, длиной 1,7 м, шириной 1,1 м, гл. 1,8 м от уступов (6,2 м от "0"). Ко дну яма равномерно расширялась на 10 - 15 см в каждую сторону.

Погребение парное - взрослого и ребенка. Скелет взрослого лежал в скорченном положении на правом боку, головой на В. Правая рука слегка согнута в локте и несколько отведена от тела, левая согнута в локте почти под прямым углом, кистью вниз. У головы находилось скопление вещей, обильно посыпанных красной охрой - бронзовый нож, гранитный пест и два известняковых растиральника (1 - 3). За головой лежала лопатка овцы. Детский скелет находился за спиной взрослого и лежал в аналогичном положении, но правая рука лежала вдоль тела. За головой стоял сосуд, наполненный красной охрой (4). Перед лицом и в ногах детского скелета отмечены пятна красной охры. Оба скелета и дно ямы были обильно посыпаны такой же охрой.

Описание находок:

1. Бронзовый черешковый нож с коротким треугольным обоюдоострым лезвием. Конец черешка раскован. длина ножа 7,2 см, ширина лезвия 2,4 см, длина лезвия 3,0 см, ширина черешка 0,8 см (Рис. 5,4).
2. Гранитный пест прямоугольной формы, длиной 10,0 см, шириной 5,0 см, толщиной 4,0 см (Рис.5,5).
3. Два известняковых растиральника подпрямоугольной формы, который лежали один на другом. длина обоих 6,0 см, ширина 5,0 см, толщина 3,5 см (Рис. 5,6).
4. Круглодонная небольшая мисочка со слегка загнутым внутрь краем венчика. Высота 4,5 см, диаметр венчика 9,0 см (Рис. 5,3).

Погребение 1. срубное, впускное (Рис. 6,2), впущено в центральную часть кургана, очевидно, с уровня четвертой насыпи. Яма овальной формы, ориентирована по оси ЗЮЗ - ВСВ, длина 1,6 м, ширина 1,0 м, гл. 1,2 м от "0". Погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях, кистями перед лицом. За головой находился развал лепного сосуда⁶.

2. Анализ неолитических материалов.

Обряд.

Могильник представлен пятью однотипными погребениями (четыре основных - №№ 2, 3, 5 и 9 и одно впускное № 4), которые по классификации одного из авторов можно

---

⁶ Описание сосуда и рисунок не были приведены в отчете (Ю.Р.).

отнести к группе III, вариант «С». Эта группа характеризуется скорченным на боку положением умерших, с согнутыми в локтях руками, кисти которых подведены к лицу [Рассамакин, 1993; Rassamakin, 1993, 73, Fig. 3.4]. Но лишь одно из этих погребений (№ 9) полностью соответствует данному варианту. Остальные имеют особенности, заключенные в своеобразном положении рук погребенных. Руки как бы сложены, причем, одна из них согнута под острым углом и прижата к груди, а вторая согнута под прямым углом и положена на живот. Исходя из чисто формального подхода и учитывая все большую представительность погребений с руками, сложенными в области груди и живота на других памятниках, можно расширить группу III за счет выделения еще одного, как бы промежуточного между вариантами «А» и «С» варианта «D», где руки умершего сложены на животе. «Классические» примеры этого обряда представлены, например, в нескольких погребениях (M2M2 10 и 16) энеолитического могильника в кургане 1 у с. Облои [Евдокимов, Рассамакин, 1988, с. 1-82, рис. 2, 4,6], но в отличие от публикуемого могильника, в облоевском вообще отсутствовали «классические» погребения группы III -С (Рис. 7)⁷ Вариант III-D мог бы выступать исходным для всех остальных вариаций положения согнутых рук, завершающим из которых будут сильно согнутые руки, кисти которых находятся перед лицом или у подбородка, т. е. вариант III - С. Правда, такая вариативность положения рук не имеет пока принципиально важного значения и представлена в других степных разновременных культурах с близким погребальным обрядом, например, усатовская и срубная.

В другом известном могильнике рассматриваемого региона (кург. 1 у г. Скадовска) были открыты исключительно погребения группы III-A (Рис. 8), которые составляли и часть могильника в Облоях - п. 4, 23, очевидно, 11 [Евдокимов, Рассамакин, 1988, 80-86, рис. 2, 1,3,5; 5, 1-4,6]. Вариативность позиции рук в рамках одной группы погребений, тем не менее, не мешает утверждать, что для данного региона могильник из Озерного может быть поставлен в один ряд с двумя ранее опубликованными могильниками - облоевским и скадовским [Евдокимов, Рассамакин, 1988]. Кроме того, известен еще один могильник, исследованный в 1983 году в кургане 1 у с. Долинское, Чаплинского р-на, Херсонской обл., в котором основная часть погребений (№№ 31, 32, 33, 40), по обряду соответствует скадовскому могильнику, а одно (№ 38) аналогично по положению умершего погр. 4 из публикуемого могильника Озерное⁸ (Рис. 9).

В целом, могильники Облои к. 2 (6 погребений), Скадовск, к. 1 (5 погребений), Озерное, к. 1 (6 погребений) и Долинское, к. 1 (5 погребений) представляют яркие позднеэнеолитические памятники, занимающие наиболее южную, прибрежную часть левобережной степной зоны, ведущую через Крымский перешеек в крымские степи и далее на восток, к Керченскому п-ву (Рис. 10).

Но эти могильники не являются единственными в этом приморском регионе позднеэнеолитическими памятниками. Прежде всего, уместно вспомнить два детских погребения (№№ 15 и 16) из к. б у с. Новоалексеевка, Скадовского р-на, Херсонской обл., которые сопровождалась соответственно двумя глиняными статуэтками серезлиевского типа и сосудом, который, по определению В.Г. Збеновича, «представляет собой одну из

⁷ Ярким примером варианта «В» является также основное погр. 7, кург. 14 у с. Любимовка, Каховского р-на, Херсонской обл. [Rassamakin, 2002, fig 4.9,2-4].

⁸ Раскопки Херсонской экспедиции ИА НАН Украины под руководством А.И. Куйбышева в 1983 году (раскопки Ю.А. Шиловой) [Куйбышев, Дорофеев, Шилов и др., 1983]. Здесь приводится общая таблица энеолитических погребений с их предположительной стратиграфической последовательностью, несмотря на то, что в отчете все они определены как основные. Материалы кургана требуют детального критического анализа стратиграфии и культурного определения ряда погребений.

многочисленных модификаций поздне трипольского кухонного сосуда - амфоры, лучше всего известного по памятникам усатовского типа” [Збеневич, 1976, 61-63]⁹. Публикация этих комплексов, к сожалению, не сопровождалась чертежной документацией. Здесь мы приводим чертежи этих двух погребений (Рис. 11)¹⁰. Эти детские погребения были совершены в специфических позах, которые не поддаются однозначному определению. Скелет погр. 15 был частично разрушен в нижней части и можно лишь предполагать, что он лежал на спине с руками, сложенными на животе (Рис. 11, 1), а верхняя часть скелета погр. 16 имеет все признаки разворота на правый бок, с вытянутой правой и достаточно сильно согнутой левой руками, в то время как согнутые в коленях ноги “развалены” ромбом (Рис. 11, 4). В данной ситуации можно предположить, что речь идет о “нестандартных” детских обрядах, которые совершались, видимо, в соответствии с естественным положением детей, чаще младенцев, во время сна. Как правило, в таких случаях положение раскинутых ромбом ног ассиметрично, а положение рук может варьировать. Возраст погребенных в Новоалексеевке определялся в рамках 6-8 лет [Збеневич, 1976, 61]. Ярким примером аналогичных “нестандартных” погребений является погр. б из могильника в Облоях [Евдокимов, Рассамакин, 1988, 80-81, рис. 2,2] (Рис. 7). Но пока трудно сказать, почему в одних случаях детям при совершении погребения придавали стандартное, “нормативное” положение, соответствующее той или иной традиции или канону, а в других хоронили в естественном при сне положении. Очевидно, здесь необходим глубокий социологический анализ энеолитических памятников, который в силу объективных причин (сохранность комплексов, скудность необходимых определений, невычлененность многих погребений из “массы ямных” и т.д.) еще не проводился.

В других курганах, исследованных в той же группе, у с. Новоалексеевка в 1972 году, можно выделить еще несколько позднеэнеолитических комплексов. Прежде всего, это погр. 4 в кургане 3, высотой 1,0 м от древнего горизонта, диаметром 28 м [Черненко, Збеневич, Бреловская, 1972, 5-6]. Погребение было основным и, согласно общему плану и профилю, над ним была сооружена насыпь, высотой не менее 0,5-0,6 м, диаметром по линии древнего горизонта 8 м¹¹. Яма подпрямоугольной формы, ориентирована по оси З - В, длина 0,75 м, ширина 0,6 м, углублена в материк на 0,2 м¹². Погребение парное, подростка и ребенка (Рис. 12, 1). Оба лежали в скорченном положении на боку, головой на восток. Скелет справа лежал на правом боку, левая рука вытянута, кисть у бедра; скелет слева - на левом боку, лицом к первому, руки вытянуты вдоль тела. За черепом этого скелета лежал сильно разрушенный тонкостенный лепной сосуд с округлым дном и обильной примесью ракушки в тесте¹³. Поверхность темно-серого цвета, шероховатая.

⁹ Т. е., сосуд не может быть однозначно интерпретирован в качестве усатовского импорта.

¹⁰ Из – за близости лимана и высокого уровня грунтовых вод курган не был исследован до конца и можно лишь предполагать, что кроме этих двух явно впускных погребений существовали и стратиграфически более ранние энеолитические захоронения. Возможно, энеолитические есть среди других исследованных в кургане погребений, но доказать это по имеющимся архивным данным крайне сложно [Черненко, Збеневич, Бреловская, 1972, 12-23].

¹¹ В отчете, очевидно, авторы дают данные о высоте кургана (1,5 м) и диаметре первой насыпи (12 м) от уровня материка [Черненко, Збеневич, Бреловская, 1972, 5].

¹² По профилю кургана, в котором отмечено погребение, его глубина составляет 0,7 м от уровня древнего горизонта (если мощность погребенного чернозема 0,5 м), хотя в описании погребения ошибочно указано, что оно находилось на гл. 4 м, а на чертеже указана отметка 1,6 м. В последнем случае, очевидно, мощность древнего чернозема 0,4 м, на 10 см меньше установленного нами по чертежу.

¹³ Один из авторов изучил фрагменты этого сосуда в Научных фондах НАН Украины. К сожалению, его сохранность не позволяет сделать полную реконструкцию сосуда, так как в наличии имеются фрагменты нижней части - округлое дно и часть округлого тулова, диаметром около 8-9 см. По характеру теста и

Между черепами найдены мелкие гальки и охра, лежавшая в раковине. Не исключено, что основное погр. б кург. 1, а также основное погр. б кург. 7 можно отнести к позднеэнеолитическим. В первом случае парное погребение было совершено скорченно на правом боку, с согнутыми перед лицом руками, головой на восток (Рис. 12, 2), а во втором, также парном, - один скелет лежал скорченно на левом боку с согнутыми перед лицом руками, а второй - на спине, с правой слегка подогнутой рукой, кистью на тазе, и с согнутой в локте под прямым углом левой рукой, уложенной на живот (Рис. 12, 3).

Эти погребения, как и могильники, отражают существование двух преобладающих погребальных традиций на рассматриваемой территории, представленные различными вариантами группы III. При этом нужно отметить, что в настоящее время нам не известны здесь энеолитические погребения с вытянутым обрядом, входящие в рамках погребальной группы I в квинтскую культуру, по мнению одного из авторов [Рассамакин, 2000], а по мнению И.Ф. Ковалевой составляющие постмариупольскую культуру [Ковалева, 1984]¹⁴. Наиболее близкие территориально курганы с “вытянутыми” погребениями известны восточнее, в Присивашье - Сергеевка II, к. 1, п. 1, 2, 3 и Маячка, к. 1, п. 2, Новотроицкий р-н, Херсонской обл. [Рассамакин, 2000, 164, рис. 26].

Распространение аналогичных нашим могильникам погребальных традиций можно наблюдать в Нижнем Поднепровье. В частности, очень выразительные одиночные основные погребения (группа III, варианты А и В) представлены на Левобережье, в курганах у с. Любимовка (к. 7 и 23) и Софиевка (к. 24 и 40), Васильевка (к. 1) Каховского р-на, Херсонской обл. (Гілешивенко, Рассамакин, 1994, 102-103, рис. 3; Рассамакин, 1997, Карта 9)¹⁵. А в междуречье Днепра и Южного Буга, в области нижнего течения Ингульца и Ингула, известны наиболее близкие по своему составу могильники (Александровка, с-з “Прогресс”, к. 1; Калиновка II, к. 4), в которых сочетаются различные варианты группы III [Рассамакин, 1997, Карта 9]. В более северной зоне в состав могильников (например, Широкое, к. 1 на Ингульце; Орджоникидзе, гр. “Завадские Могилы”, к. 7 и 9 на Правобережье Днепра) уже входят “вытянутые” погребения группы I (где они преобладают) и единичные скорченные на спине погребения группы II - А, условно интерпретируемые авторами как “постстоговские” [Рассамакин, Евдокимов, 2001].

Очевидно, именно такое “постстоговское” погребение (№ 6) было впущено в Озерном после наиболее позднего в могильнике погр. № 4, с уровня локальной досыпки над последним. По формальным признакам погр. б соответствует группе П-С (по Ю.Я. Рассамакиву, 1993), но нет уверенности, что ромбическое положение ног в данном случае являлось преднамеренным. Оснований для отнесения погр. б непосредственно к могильнику, в отличие от погр. 4, у нас нет.

Стратиграфическая колонка кургана из Озерного типична для данной территории. Прежде всего, необходимо отметить наличие в могильниках впускных однотипных погребений, часто перекрытых небольшими локальными досыпками. В нашем случае это погр. 4. Такая же ситуация наблюдается и в других упомянутых курганах - в Облоях (п. 16), Скадовске (п. 1) и, очевидно, в Долинском (Рис. 7-9). Погребения могли впускаться не в центре, а как бы планиграфически дополняли могильники, где погребения часто

обработке этот сосуд аналогичен сосудам из упомянутых могильников, в частности, из Облоевского, п. 2 и Долинского, п. 32.

¹⁴ Эти понятия не являются тождественными и знак равенства между ними ставить нельзя.

¹⁵ Некоторые из этих погребений к «нижнемихайловским» относил Ю.А. Шилов [Шилов, 1981, 49-54].

размещались по кругу. Нет сомнений в незначительном хронологическом промежутке между основными и впускными погребениями этих могильников. Особенно это показательно на примере основного и впускного погребений в облоевском могильнике (№№ 23 и 16), в которых была найдена смола, взятая из одного “замеса”, по определению польских исследователей [Евдокимов, Рассамакин, 1988, 90].

С другой стороны, во всех этих курганах прослеживается и другая закономерность. После упомянутых впускных погребений, следуют специфические погребения в овальных ямах, на спине в скорченном положении и восточной ориентацией. В Озерном, как уже сказано, это погр. б, в Скадовске - погр. 16, в Облоях - погр. 24, в долинском, очевидно, погр. 39 (Рис. 7 - 9), причем в последних двух случаях руки умерших были сложены на тазе. Территория распространения подобных погребений достаточно обширна и охватывает, главным образом, днепровское Правобережье. Их культурно - хронологическая интерпретация требует еще уточнения. Эти погребения отличны от близких по обряду погребений с керамикой репинского типа и они для размежевания с последними были нами предварительно интерпретированы условно как “постстоговские” [Рассамакин, Евдокимов, 2001].

Инвентарь

В публикуемом могильнике инвентарь представлен тремя сосудами, которые полностью соответствуют находкам из облоевского и скадовского могильников. В частности оба плоскодонных сосуда из погр. 3 соответствуют сосуду из погр. 4 облоевского могильника и имеют серию соответствий в других погребальных комплексах Днепро-Бугского региона (Рис. 13, А).

Сосуд из погр. 4, несмотря на определенное своеобразие формы, может быть поставлен в один ряд с шаровидными округлодонными, преимущественно неорнаментированными сосудами из облоевского, скадовского и долинского могильников (Рис. 13, Б).

Куски охры малинового и красного оттенков и смолы не менее характерны для данных могильников. Относительно кусков смолы, то судя по всему, они наиболее представительны в данных могильниках по сравнению с другими регионами.

Весьма показательным фактом является единичность изделий из металла. На данной территории они найдены всего в двух позднеэнеолитических погребениях - несколько спиральных (медных) скадовском (погр. б) и бронза (? Ю.Р.) из погребения долинского могильника (п. 33)¹⁶ Кроме того, одна трубчатая пронизь найдена в облоевском могильнике, но во впускном “постстоговском” погребении (погр. 24), не имевшего, как выше отмечено, прямого отношения к основному могильнику [Евдокимов, Рассамакин, 1988, 89- 90, Рис. 3, 7,8]. Это явно контрастирует с “вытянутыми” погребениями кватернерской культуры, прежде всего, в области, представляющее ядро их распространения [Ковалева, 1984; Рассамакин, 2000, 162-165, Рис. 26].

3. Хронология и вопросы культурной атрибуции

Хронология.

Трипольская периодизационная шкала, обеспеченная сейчас значительной серией новых радиоуглеродных дат, остается для степных памятников определяющей.

¹⁶ Описание погребения в отчете о раскопках отсутствует.

Хронологическое положение нового могильника соответствует периоду Триполье С/2, как было установлено ранее для погребений из Новоалексеевки, для Облоевского и Скадовского могильников [Збенович, 1976; Евдокимов, Рассамакін, 1988, 90]. Достоверно датируемые более ранние комплексы здесь нам пока неизвестны.

Согласно имеющимся радиоуглеродным датам, для локальных вариантов Триполья С/2 все упомянутые могильники региона можно датировать в пределах последней трети IV - начала или даже первой четвертью III тыс. до н.э. по калиброванной шкале [Rassamakin, 1999; Videiko, 1999].

Культурная интерпретация.

Культурная интерпретация могильников рассматриваемого региона представляет достаточно сложную проблему. Традиционно, подобные памятники исследователи относили к нижнемихайловским. В частности, Д. Я. Телегин выделил близкие по характеру погребения на Ингульце (Алексаидровка, с-з “Прогресс”, к. 1; Баратовка, к. 1, а также Широкое, к. 1) в поздний, широчанско - баратовский этап развития памятников нижнемихайловского типа [Телегин, 1971]. Исследователь наметил тогда общую схему развития нижнемихайловских памятников, но, исходя из новых источников и подходов к их интерпретации представляется, что она требует корректировки в своей содержательной части, т.е. в части отнесения тех или иных комплексов к собственно “нижнемихайловским” с точки зрения формирования локальных степных групп памятников в позднем энеолите. Это уже было отмечено в литературе [Збенович, 1976, 65-66; Отрощенко, Рассамакін, 1990]. По сути, лишь отдельные погребения, приведенные Д.Я. Телегиным в упомянутой статье могут быть отнесены к собственно поздним “нижнемихайловским” (Баратовка, к. 1 и Александровка, с-з “Прогресс”, к. 1, Любимовка, к. 14). Они дают определенные основания говорить о концентрации “нижнемихайловских” памятников на Нижнем Днепре, Ингульце и Ингуле [Телегин, 1971, 13], но лишь при учете других комплексов. Раньше погребальные памятники Д.Я. Телегиным вообще не были представлены (упомянут только нижний слой Михайловского поселения)¹⁷, не говоря уже о том, что ошибкой было включать в круг “нижнемихайловских” памятников погребения кемиобинского типа в расписных каменных ящиках [Телегин, 1971, 14]. Тем не менее, исследователь очертил общие территориальные рамки распространения “нижнемихайловских” памятников от Молочной, а возможно и дона, до устья Дуная [Телегин, 1971, 13]. В целом, такая территория определяется и сейчас для ранних “нижнемихайловских” погребальных комплексов (группа III -А и В), за исключением недостаточно ясных пока областей Нижнего Подонья и СевероВосточного Приазовья [Рассамакш, 1993, 7-8,10; Плешивенко, Рассамакін, 1994, 103-105; Рассамакін, 1997, 287-289; Rassamakin, 1999, 91-92,114]. Но наиболее яркие погребения известны сейчас к западу от Днепра, в частности, между Южным Бугом и Дунаем [Рассамакін, 1997, Карта 9; Rassamakin 1999, Fig. 3.2 b].

Авторы данной статьи при публикации Облоевского и Скадовского могильников также отнесли их к “нижнемихайловским” [Евдокимов, Рассамакін, 1988, 90]. Но в действительности, определение поздних памятников нижнемихайловской культуры

---

¹⁷ По существу, они не были тогда еще известны.

сейчас требует существенных оговорок. для раннего этапа этой культуры, где нам еще неизвестны погребения группы Ш-С, относительная хронология устанавливается по трипольским сосудам времени Триполье В/2-С/1 и С₁, которые сопровождали погребения группы Ш-А в курганах Буго - Дунайского региона (Рис. 14). Аналогии этим погребениям известны до р. Молочной на востоке, но, к сожалению, последние не имеют надежной датировки, то есть, не сопровождаются хорошо датирующимся инвентарем. Эти погребения не составляли подкурганых могильников, но насыпи над ними окружались каменными кромлехами и рвами или только рвами с обкладкой насыпи материковой глиной из него [Рассамакин, 1990, рис. 2,1,4; Плешивенко, Рассамакин, 1994, 103, рис. 4,4]. Вновь хотелось бы обратить особое внимание на неясность в определении “нижнемихайловских” комплексов на Нижнем Дону.

В период Триполье С/2, как собственно предполагал также и Д.Я. Телегин [Телегин, 1971, 15], происходит сокращение территории распространения нижнемихайловских памятников. Правда, исследователь связывал этот процесс с проникновением в Приазовье и в Поднепровье раннеямных племен (репинская культура Ю.Р.) [Телегин, 1971, 15], т.е. с сокращением восточных границ, что было бы вполне реальным при условии наличия “нижнемихайловских” памятников в Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем дону. Но в Нижнем Подонье, как показывает стратиграфия поселений, репинские комплексы сменяют памятники константиновской культуры [Кияшко, 1994]. Более обоснованно сейчас можно говорить о сокращении территории распространения “нижнемихайловских” памятников с запада, так как в Днестро-Дунайском регионе формируется усатовский локальный вариант Триполья С/2 или, собственно, усатовская культура.

Исходя из сказанного и учитывая неопределенность восточных рубежей, можно заключить, что “нижнемихайловские” памятники позднего этапа наиболее ярко представлены: а) упомянутыми нами могильниками в южной части Южного Буга, Ингула и Ингульца, левобережной приморской зоны, в составе которых появляются и погребения группы Ш -С; б) отдельными основными (реже, впускными) погребениями в курганах с позднейшей трипольской расписной керамикой, включая Левобережье Днестра (Любимовка, к. 23) [Плешивенко, Рассамакин, 1994, 103, рис. 3,2,6].

Следовательно, возникает главный вопрос: можно ли рассматривать эти погребения и могильники в качестве позднего этапа нижнемихайловской культуры? Отчасти ответ утвердительный, поскольку доминирующая часть погребальных комплексов представляет продолжение более ранней традиции в обряде и керамическом производстве (группа Ш - А), хотя существуют и другие решения. В частности, Л.А. Спицина предлагает рассматривать по сути этот же горизонт памятников в качестве рогачикской культуры [Спицина, 2002, 6-10]. Конечно, это позволило бы включить слабо изученные материалы рогачикского типа в систему позднеэнеолитических древностей, но, в то же время, рогачикская культура, по мнению Л.А. Спициной, возникла на основе нижнемихайловской. Значит ли это, что первая в одинаковой степени может трактоваться и как поздняя нижнемихайловская? Нельзя также не заметить, что другая часть погребений в могильниках отражает иную, появившуюся только в это позднее время погребальную традицию (группа Ш-С), которая связана с распространением памятников животиловско-волчанского типа. Последние известны по всей степной области Причерноморья, образуя в отдельных областях зоны повышенной концентрации (например на Самаре и Молочной) [Ковалева, 1978; 1991; Рассамакин, Кубышев, 1990; Rassamakin, 1996].

Животиловско-волчанские погребения появились в степной зоне в процессе

миграции нового населения с исходными земледельческими традициями, которое в той или иной степени, приняло участие или повлияло на формирование отдельных локальных позднеэнеолитических групп [Rassamakin, 1996; Рассамакін, 1997, 292-294; Рассамакін, 1998]. В материальном комплексе рассматриваемого нами региона две группы посуды отражают этот процесс: 1 - плоскодонная керамика, украшенная шнуром, которую с оговорками можно трактовать и как производную от более ранней нижнемихайловской; 2 - округлодонная, с шаровидным туловом, часто с раструбным горлом, с заглаженной или подлощенной поверхностью без орнамента, которая находит сходные и даже идентичные черты в посуде майкопско-новосвободненской общности [Нечитайло, 1984; Rassamkin, 2002, 57, fig. 4.4] (Рис. 13, Б). Не исключено, что определенную роль в формировании первой группы сыграли трипольские традиции изготовления кухонной керамики, известной, в частности, по усатовской посуде¹⁸. Это подтверждает выше приведенная цитата из работы В.Г. Збеновича по поводу амфорки из Новоалексеевки. В.Г. Збенович даже предположил возможность спорадического проникновения отдельных групп трипольского населения в рассматриваемый нами регион в период С/2 [Збенович, 1976, 67]. Но это могли быть и лесостепные племена, в частности, гординештской (касперовской) локальной группы, на значение которой указывали Т.Г. Мовша, И.В.Манзура и В.Г. Петренко .

Таким образом, исходя из вышесказанного можно сделать заключение, что определять принадлежность позднеэнеолитических могильников и отдельных погребений рассматриваемой приморской зоны в качестве позднего этапа нижнемихайловской культуры будет правомерно только при учете синкретического характера этих памятников, прежде всего, за счет влияний и непосредственного участия в процессе их трансформации населения, оставившего памятники животиловско-волчанского типа. Могильник из Озерного, состоящий исключительно из погребений группы 'и-С и выделяемого здесь варианта "В", как раз и свидетельствует о значительном влиянии мигрантов. детализация этого процесса уже зависит от различных аспектов при интерпретации памятников животиловско-волчанского типа, а именно, от степени представительности в них майкопско-новосвободненских и/или трипольских элементов.

Заключение

Рассматриваемая нами территория является лишь частью более широкой приморской зоны распространения "поздненижнемихайловской" локальной группы, достигающей на западе низовьев Ингула и Южного Буга, как это демонстрирует распространение некоторых близких по составу погребений в известных там могильниках (Калиновка П, к. 4; Константиновка, к. 8), и пересекающей где-то западнее с восточными рубежами усатовской культуры (Рис.10).

В целом, на финальном этапе энеолита в степной зоне Причерноморья вопрос об определении культурной принадлежности образовавшихся различных локальных групп крайне затруднен в силу их многокомпонентности.

Очевидно, наиболее правомерно называть такие группы по основному, как

---

¹⁸ При публикации Облоевского могильника мы, очевидно, не совсем правильно сравнили сосуд из погр. 4 с кеми-обинской керамикой и лишь отчасти указывали на влияние усатовской традиции в наличии шнурового орнамента [Евдокимов, Рассамакін, 1988, 89].

правило, местному компоненту их сложения. Такой подход более правомерный, чем еще недавнее отнесение аналогичных памятников к некоему общему нижнемихайловскому типу в рамках широчанско-баратовского этапа их развития. В этом отношении, выделяемая нами приморская группа в качестве “поздненижемихайловской” соответствует принципу преемственности. Но соблюдение этого принципа не всегда возможно, как показывает опыт изучения памятников Правобережья Днепра, для определения которых был избран территориальный принцип, в соответствии с возможными географическими границами распространения явления [Николова, Рассамакин, 1985]. В результате был предложен термин “днепро-бугская группа” [Рассамакин, 1988]. В этом случае, актуальной всегда будет оставаться проблема более точного определения этих границ, с одной стороны, и основных составляющих данное явления - с другой [см. например, Рассамакин, Куприй, 2001, 41; Рассамакин, Евдокимов, 2001, 84-85]. Такие определения могут уточняться со временем, поскольку всегда будет присутствовать неопределенность в силу относительной аморфности самих локальных групп памятников.

На “культурную мозаичность” в эпоху энеолита указывал еще В.Г. Збенович, совершенно обоснованно высказывая сомнения во все охватывающем характере памятников нижнемихайловского типа, и предполагая, что в Северном Причерноморье существовало несколько культурных групп, каждая из которых могла иметь свою генетическую линию. Исследователь при этом особо подчеркнул, “что на заключительной поре энеолита степное Буго-днепровское междуречье и Левобережье Днепра не были монополярной территорией какой-либо одной культурно-этнической общности” [Збенович, 1976, 66]. Со временем это предположение подтвердилось.

Предварительная схема соотношения различных локальных групп была представлена одним из авторов [Rassamakin, 1999, Fig. 3.49] (Рис. 14). Она, несомненно требует дальнейшего уточнения. Главная задача тогда и особенно теперь, по истечению почти 30 лет, заключается в четком размежевании таких отдельных локальных культурных групп, хотя их территориальные границы будут, видимо, всегда расплывчатыми. Еще более сложной задачей является так называемая этнокультурная интерпретация памятников в свете изучения индоевропейской проблемы, поскольку необходимо объективное объяснение процессов формирования различных синкретических локальных групп позднего энеолита и появление после этого “ямной культуры”.

Важность более точного определения особенностей приморской “поздненижемихайловской” локальной группы определяется расположением последней между усатовской культурой, поздне трипольскими памятниками Южного Буга и через степной Крым, майкопско-новосвободненской общностью Северного Кавказа. Совершенно очевидно, что население этих полярных культурных образований, истоки которых восходят к древним земледельческим традициям, в конце энеолита проявляло активность, направленную на степные области Причерноморья и Приазовья¹⁹. Речь идет даже не столько о поздне трипольских и майкопско-новосвободненских импортах, известных по всему степному ареалу, сколько о передвижении или миграции отдельных групп населения, принесших свою культуру в процессе адаптации к новым условиям. Этот процесс был связан с хозяйственной трансформацией земледельческих культур, отражением которой являются, несомненно, памятники животиловско-волчанского типа, вобравшие в себя материальные черты и обрядовые традиции обоих земледельческих

---

¹⁹ Ввиду распространения т.н. памятников “степного Майкопа” и влияния поздне трипольской гордишентской (касперовской) локальной группы.

ареалов и принесли совершенно новые культурные элементы в степные локальные группы²⁰.

Крымский путь распространения этих памятников всегда предполагался исследователями, но не имел документального подтверждения, поскольку энеолит степного Крыма изучен еще крайне слабо. Проблема заключена в поиске “докеми-обинских” погребальных памятников, прежде всего, на востоке полуострова, поскольку в его северной (Танковое, к. 9; Рисовое, к. 1; Целинное, к. 5 и 6; Богачевка, к. 8) и отчасти в западной (Заозерное, к. 10) частях материалы этого времени уже представлены, включая небольшие могильники. Изучение архивных материалов дает возможность выделить эти памятники. Но это тема другого исследования, имеющего важное значение в контексте изучения такого феномена, как кеми-обинская культура эпохи ранней бронзы.

Статья подготовлена в рамках Российско- Украинского научно исследовательского проекта «Этно – культурные связи степного населения эпохи раннего бронзового века от Приуралья до Приднепровья». Проект № 20-06 /06-01-911000.

---

²⁰ Включая, очевидно, первые бронзовые изделия, такие, например, как подвески болгарского типа [Рассамакин, 2001].

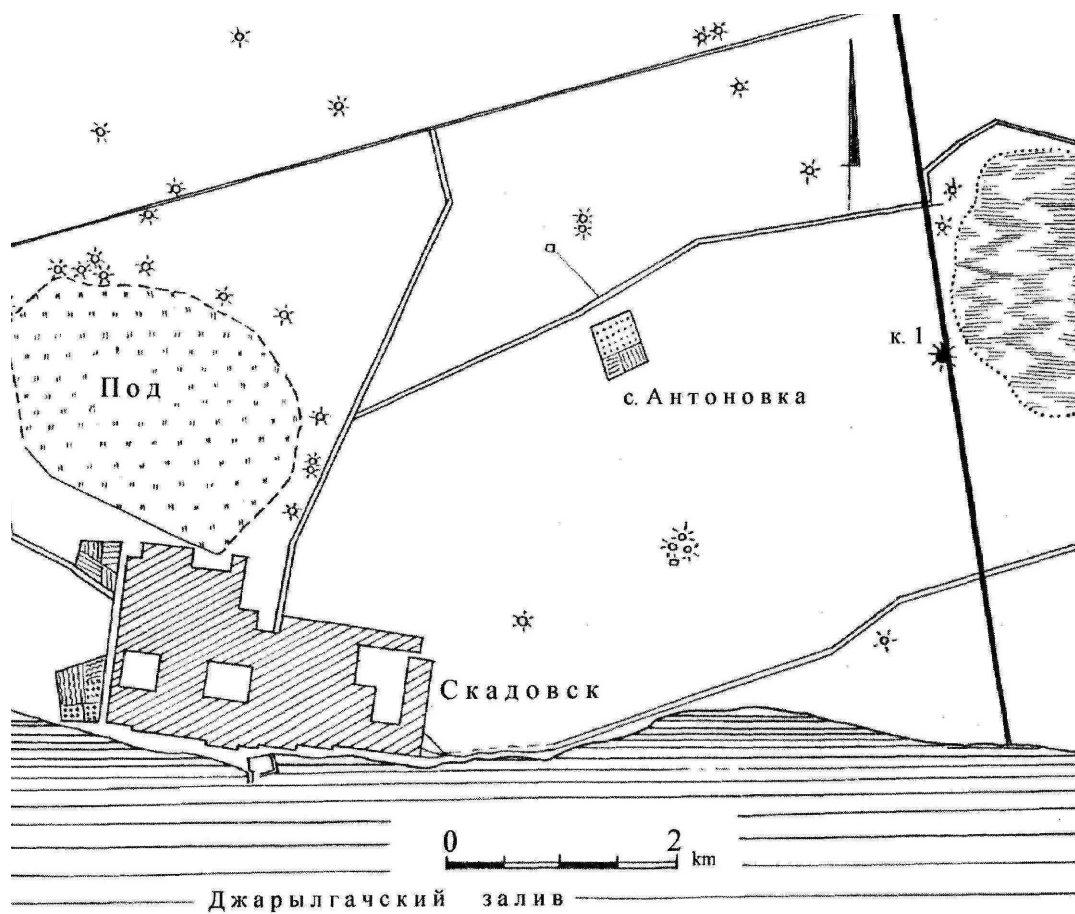
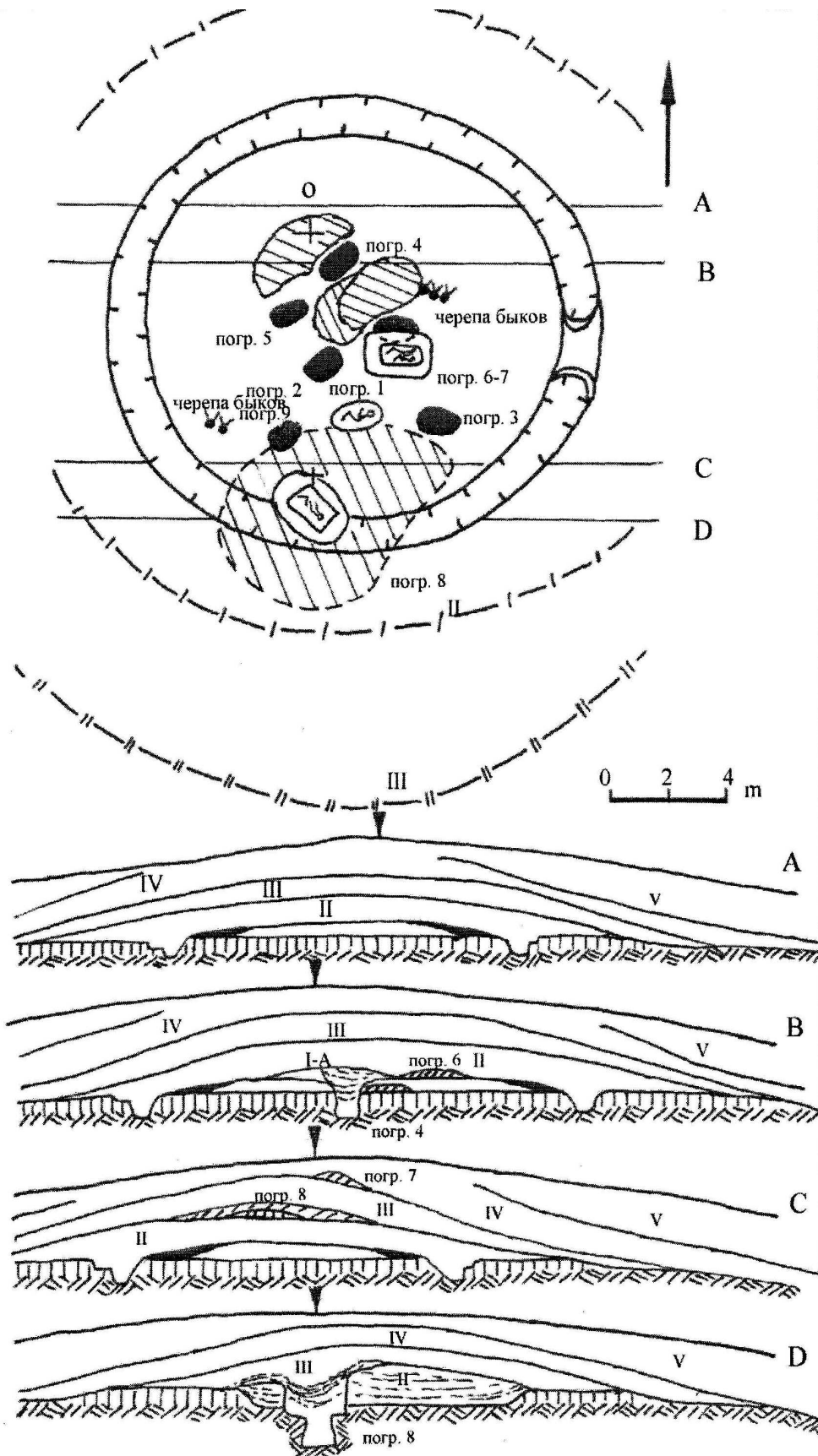

Рис. 1. Ситуационный план.

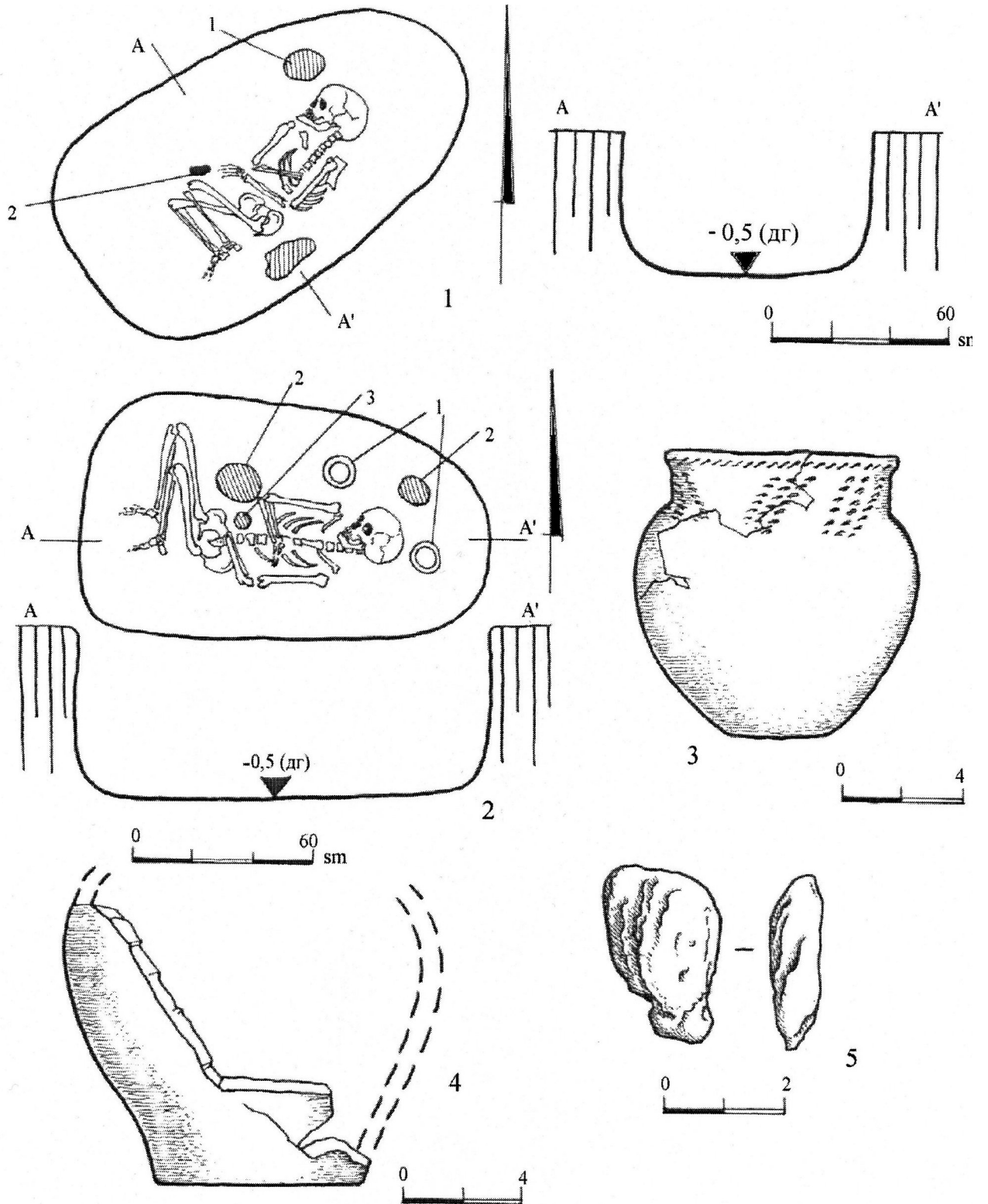

Рис. 3. Погребения 2 и 3

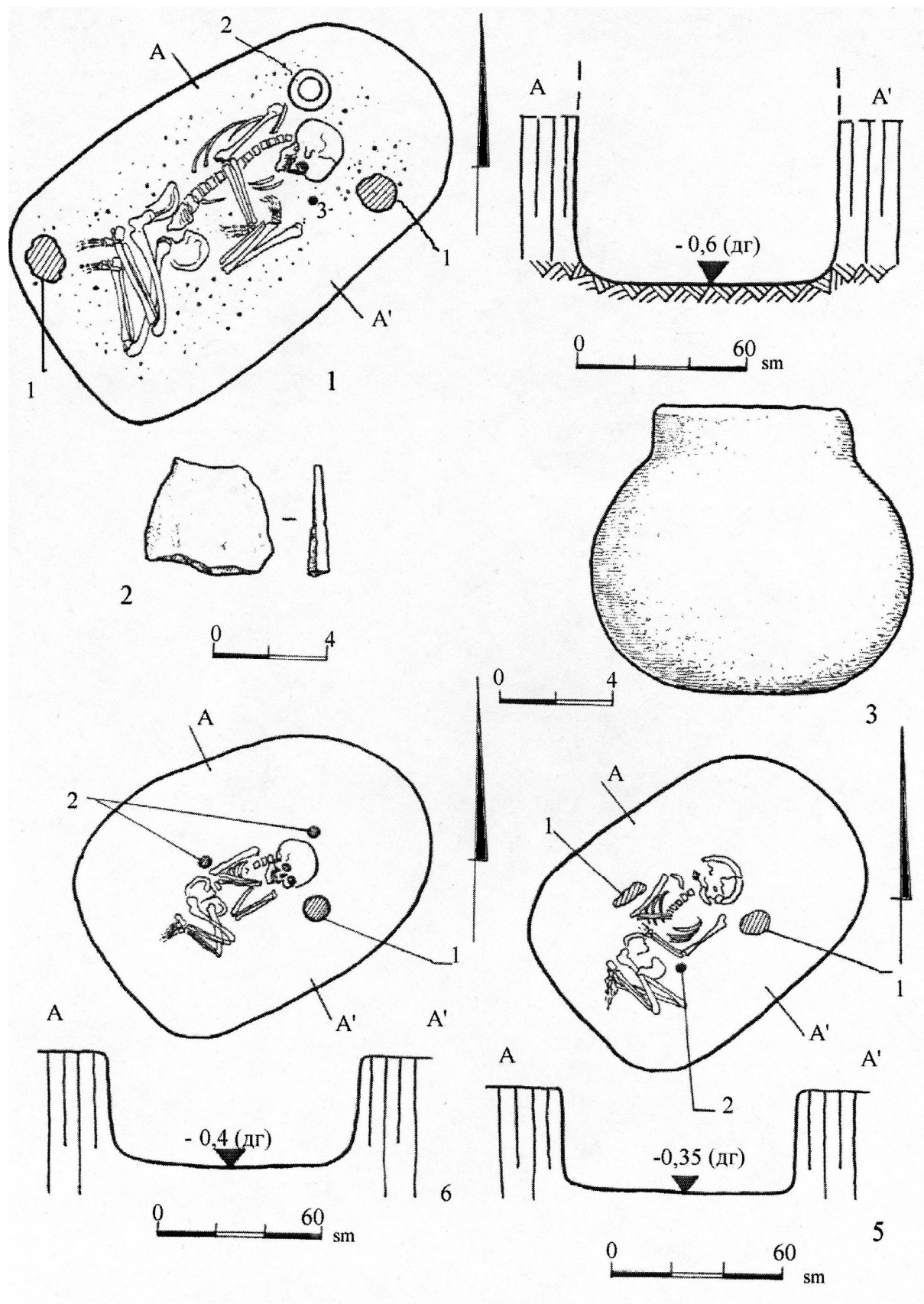

Рис. 4. Погребения 4, 5 и 9

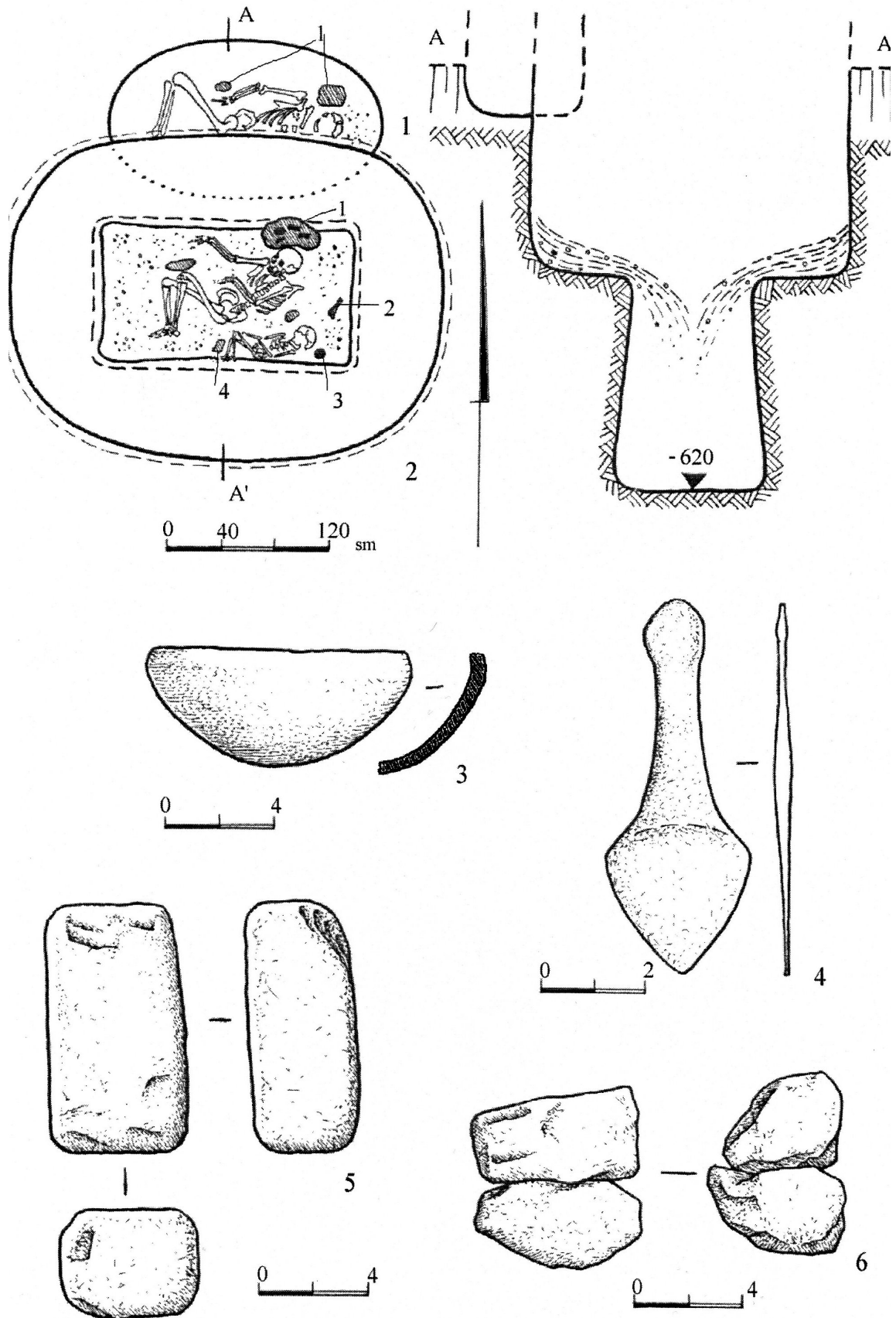

Рис. 5. Погребения 6 и 7

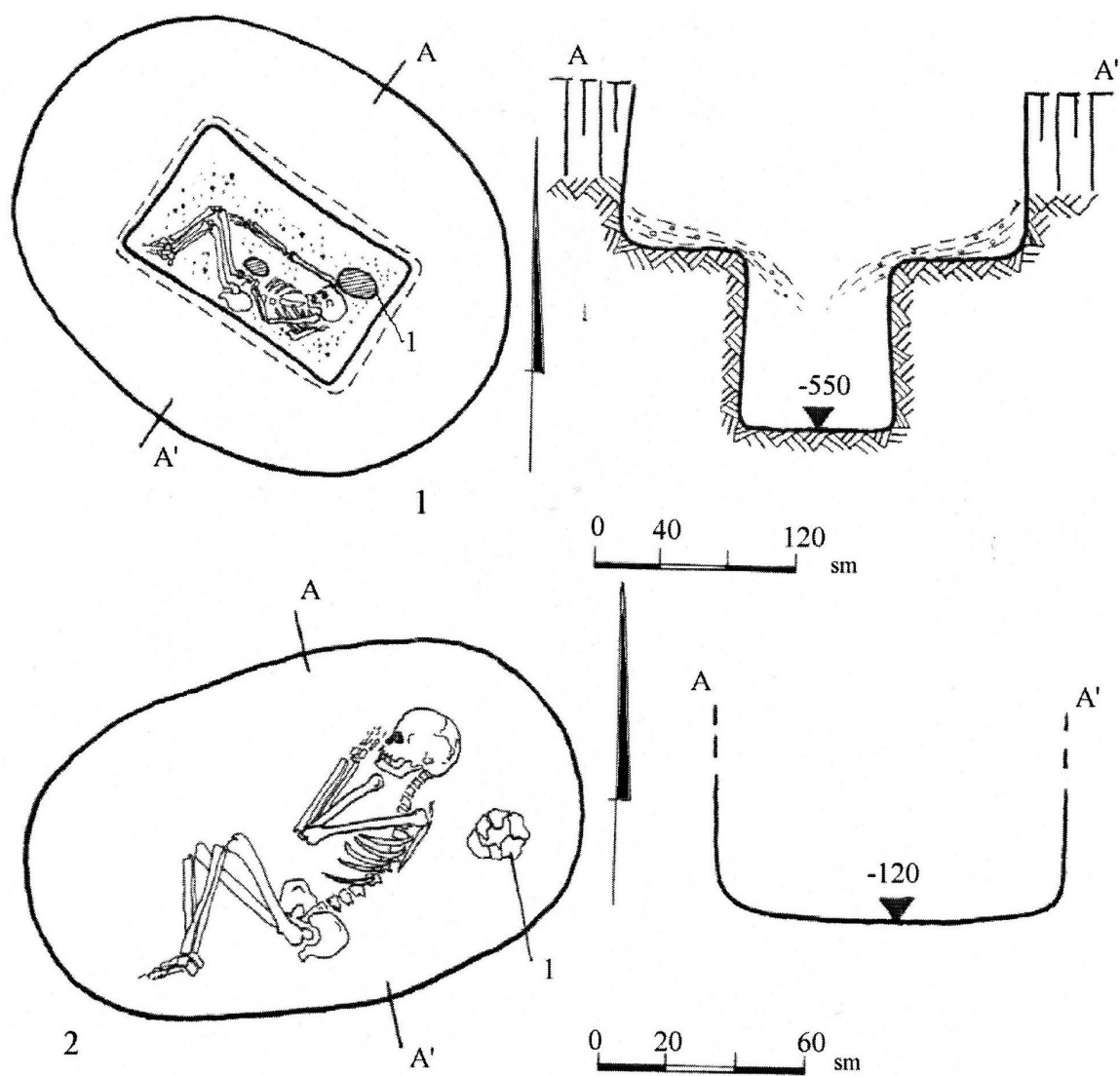

Рис. 6. Погребения 8, 1.

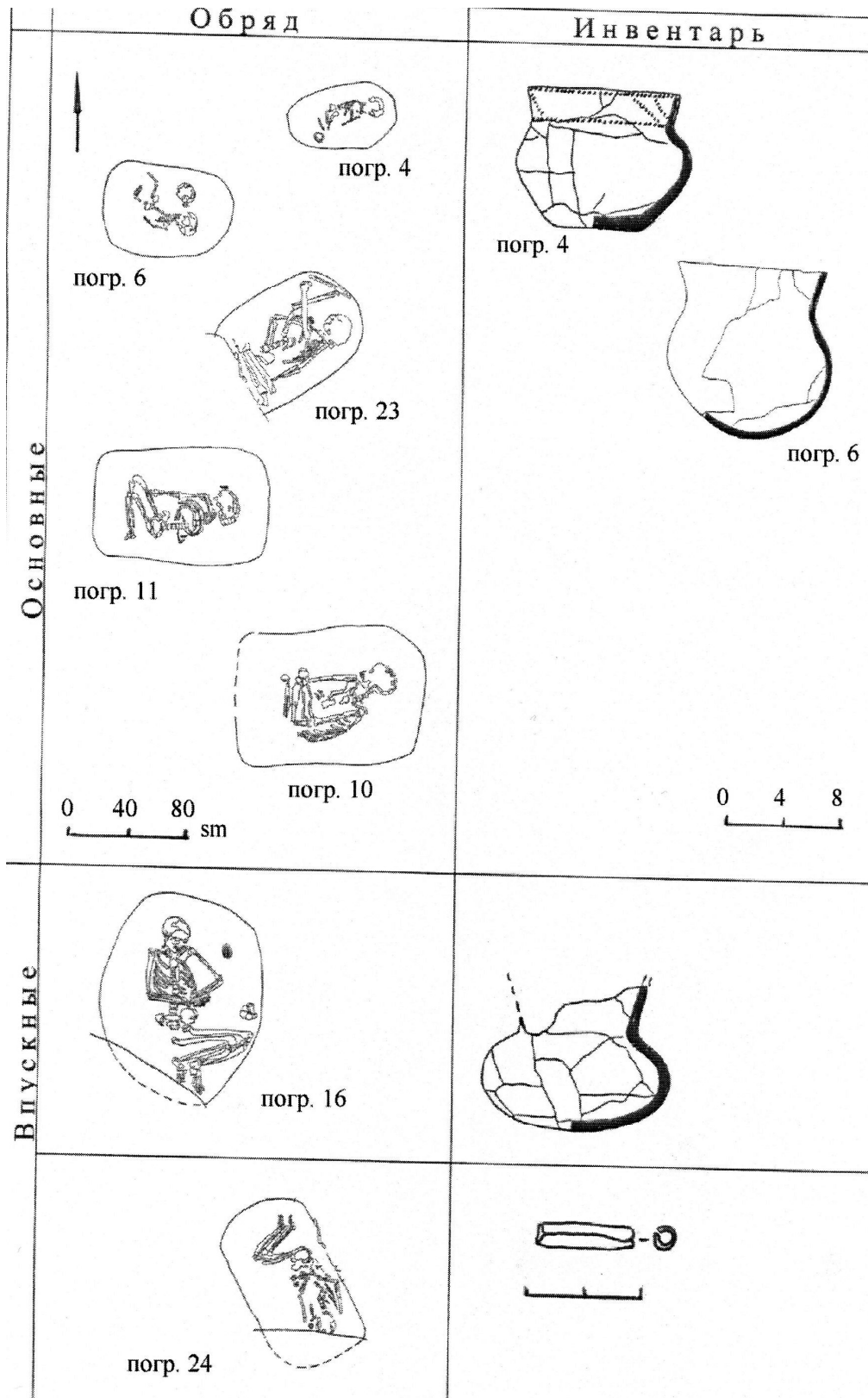

Рис. 7. Энеолитическое погребение у с. Облои.

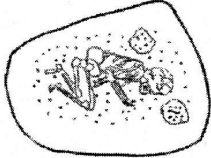
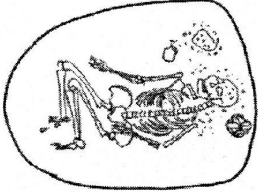
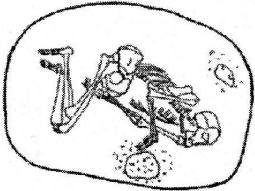
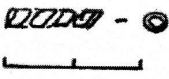
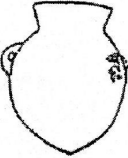
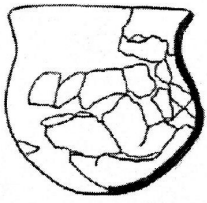
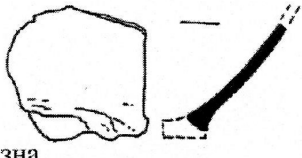
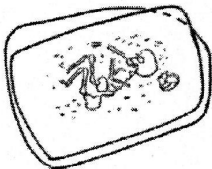
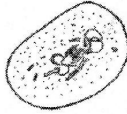

	Обряд	Инвентарь	
Основные	 <p>погр. 2</p>	 <p>погр. 18</p> <p>погр. 6</p> <p>погр. 13</p> <p>погр. 6</p> <p>погр. 6</p> <p>погр. 6</p> <p>тризна</p>	
	 <p>погр. 1</p>		<p>развал сосуда не восстанавливается</p>
	 <p>погр. 16</p>		
	<p>0 40 80 sm</p>		<p>0 4 8</p>

Рис. 8. Энеолитические погребения в кургане 1 у г. Скадовска

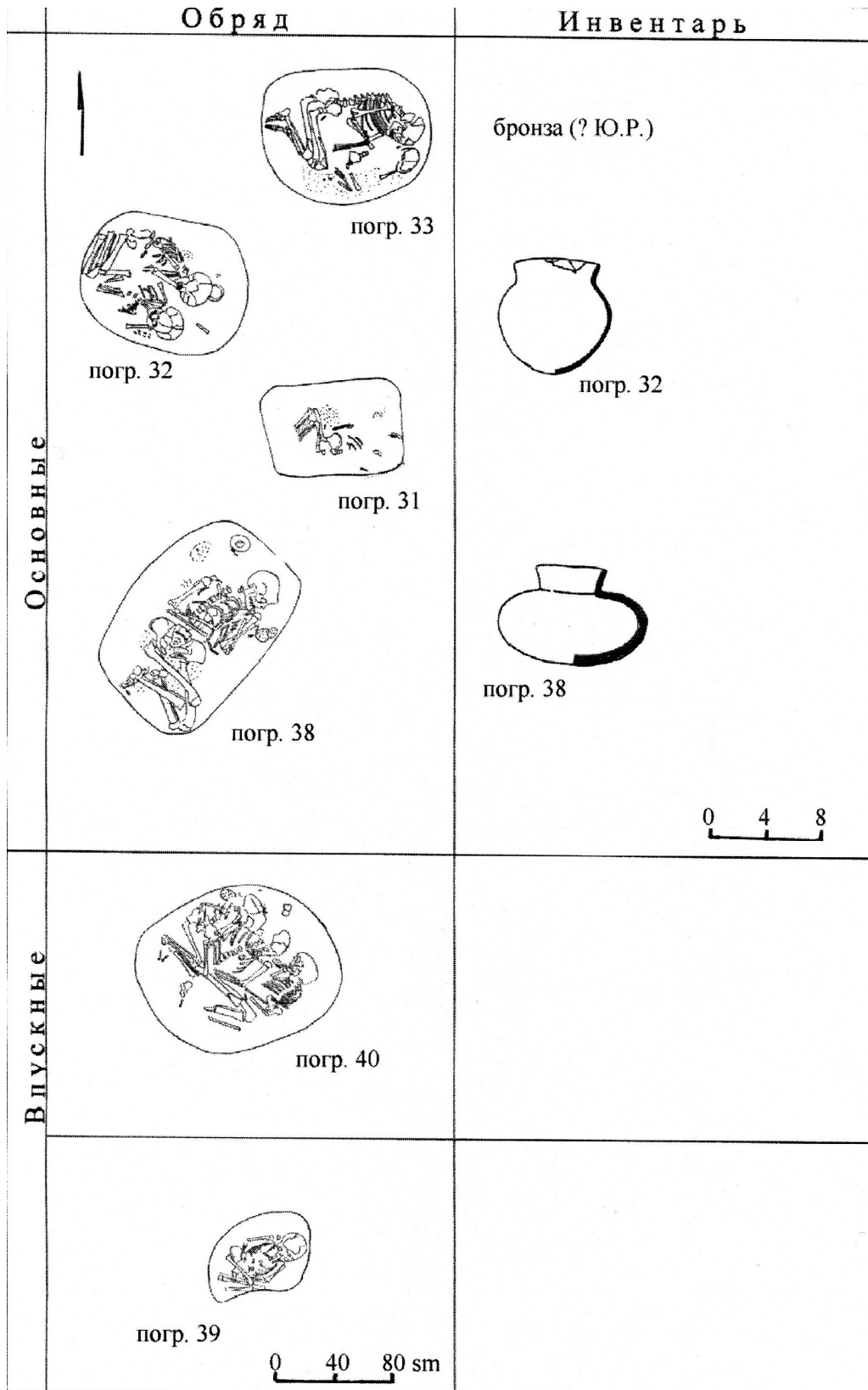

Рис. 9. Энеолитические погребения в кургане 1 у с. Долинское.

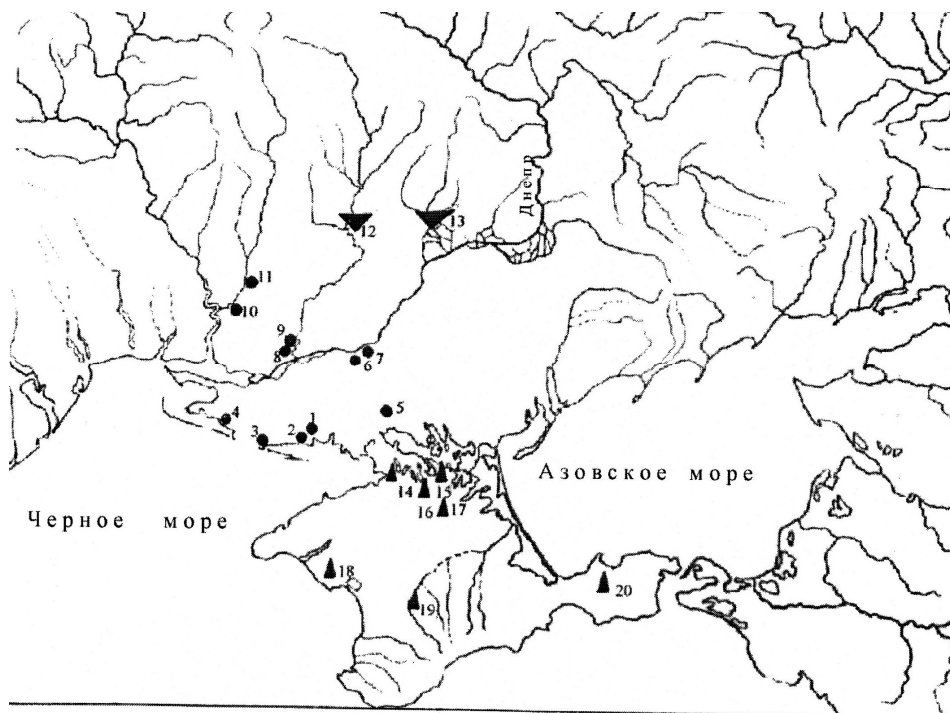
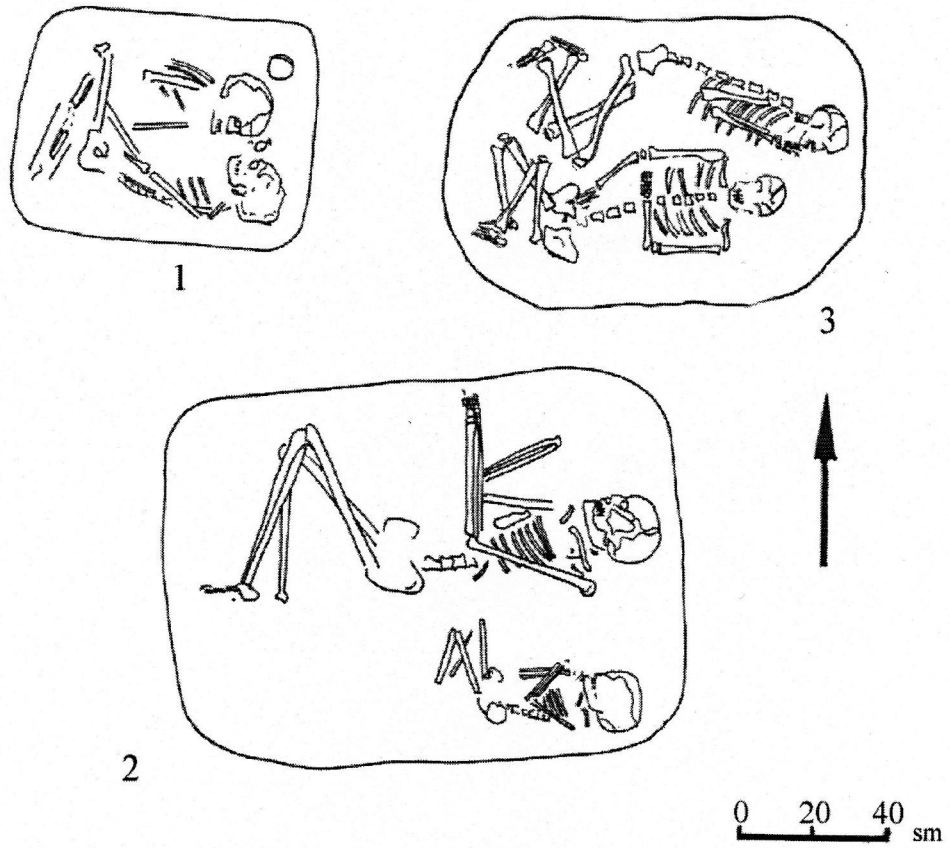

Рис. 10. Карта позднеэнеолитических могильниковю.

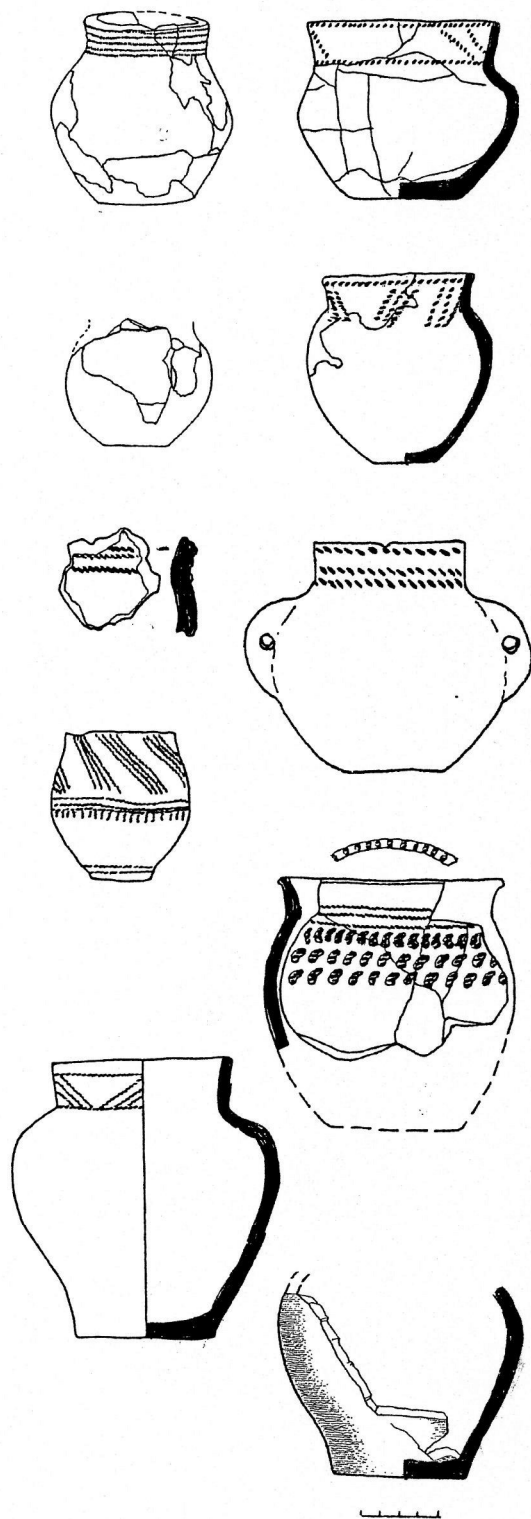

Рис. 11. Детские погребения 15 и 16 из кургана 6 у с. Новоалексеевка.

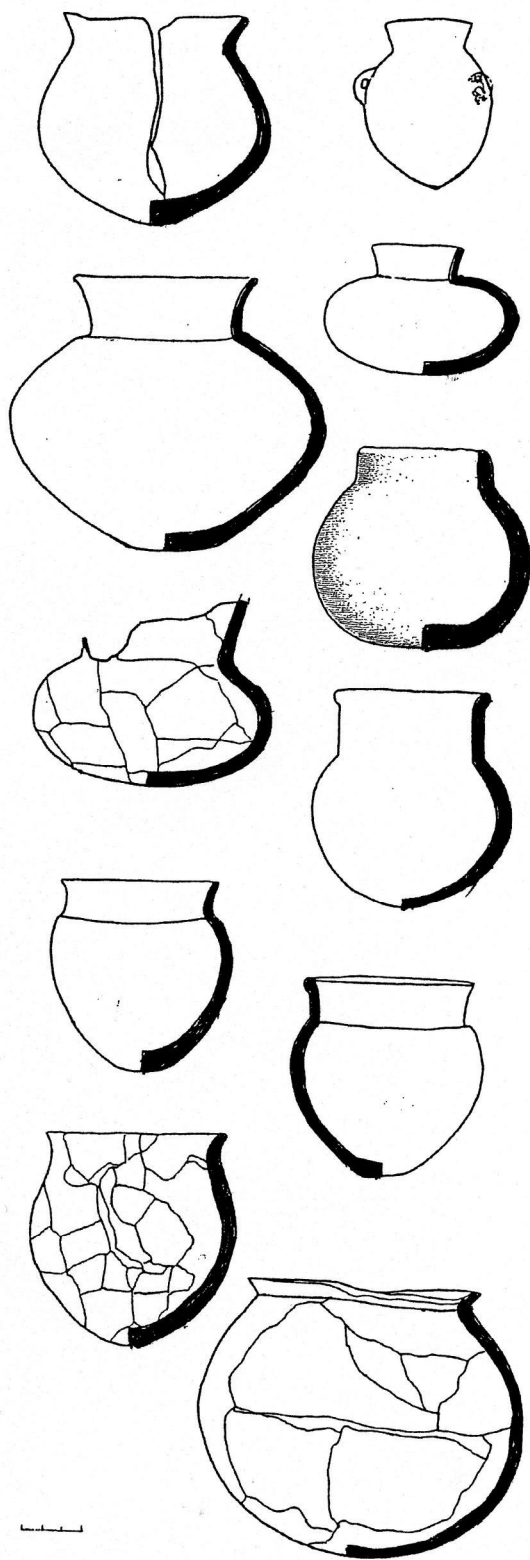

Рис. 12. Парное погребение из курганного могильника у с. Новоалексеевка (1 погр. 4, к. 3; 2 погр 6, к. 1; 3 – погр. 6, к. 7)

**А. "Позденижнемихайловские" и
позднетрипольские сосуды**

**Б. Майкопско-новосвободненские
импорты и подражания**

Рис. 13. Аналоги сосудов из облоевского и скадовского могильников.

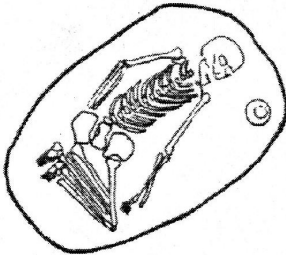
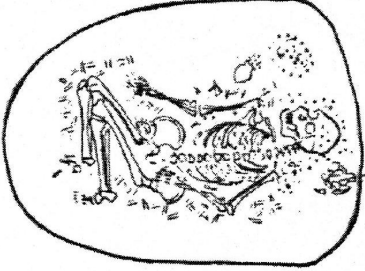
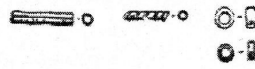
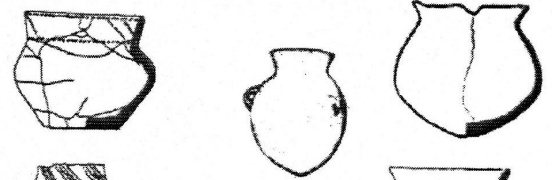
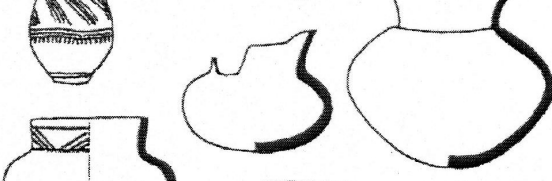

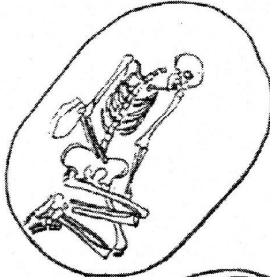
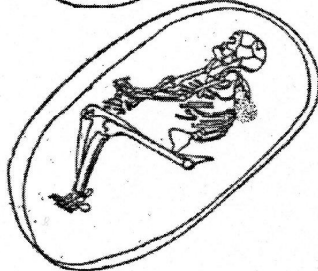
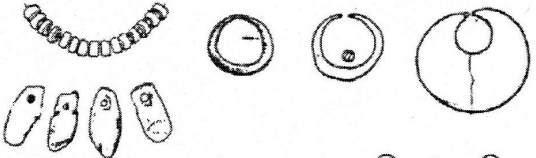
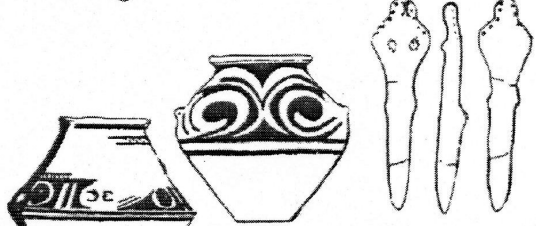
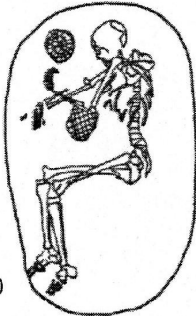
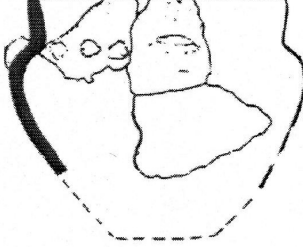

Период			Нижнемихайловская культура		
			Обряд	Инвентарь	
Поздний					
					
Ранний					
					
					

Рис. 14. Относительная хронология энеолитических погребений у с. Озерное.

Литература

1. Плешивенко А.Г., Рассемакин Ю.Я., 1994. Про одну з груп енеолітичних поховань дніпровського Лівобережжя. Археологія, 4, 98-107.
- Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М., Генинг В.В., 1994. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства орошений хозяйств Херсонской области в 1994 году. Научный архив НА НАИ Украины, 1994/27, 14-20.
2. Евдокимов Г.Л., Рассемакин Ю.Я., 1988. два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины. Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины (ред. Шапошникова О.Г.). Киев: Наукова думка, 79-92.
3. Збеновч В.Г., 1976. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья. Энеолит и бронзовый век Украины Исследования и материалы (ред. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Телегин д.Я.). Киев: Наукова думка, 57-69.
4. Ковалева И.Ф., 1978. Погребения животиловского типа в Присамарье. Курганные древности степного Поднепровья – III - I тыс. до. н.э. (ред. Ковалева И.Ф.). днепропетровск: ДГУ, 46-54.
5. Ковалева И.Ф., 1984. Север степного Поднепровья в энеолите - раннем бронзовом веке. Днепропетровск.
6. Ковалева И.Ф., 1991. Погребения с майкопским инвентарем в Левобережье днепра. Проблемы археологии Поднепровья (ред. Ковалева И.Ф.). Днепропетровск: издательство ДГУ, 69-88.
7. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Нечитайло А.Л., Кулрий С.А., Шевченко Н.П., Толкачев Ю.И., Амирханов А.Ш., Абикулова М.И., Былкова В.П., 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 г. Научный архив ИА НАН Украины, X 1983/26, 154-167.
- Нечитайло А.Л., 1984. 0 сосудах майкопского типа в степной Украине. СА, 4, 127-137.
8. Николова А.В., Рассемакин Ю.Я., 1985. 0 позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра. СА, 3, 37-56.
9. Отрощенко В.В., Рассемакин Ю.Я., 1990. Культурна належність окремих поховань “нижньомихайлівського” типу. Археологія, 3, 10 1-107.
10. Рассемакин, 1988. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная. Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины (ред. Шапошникова О.Г.). Киев: Наукова думка, 14-27.
11. Рассемакин Ю.Я., 1990. Енеолітичні поховання Північно-Західного Археологія, 1, 64-74.
12. Рассемакин Ю.Я., 1993. Энеолит степного Причерноморья и приазовья (по погребальным памятникам). The Fourth Millennium B. C. (ed. P. Georgieva). Sofia: New Bulgarian University, 5 – 28.
13. Рассемакин Ю.Я., 1997. Світ скотарів. давня історія України. Первісне суспільство, т. 1 (ред. Станко В.Н.). Кив: Наукова думка, 273-30 1.
14. Рассемакин Ю.Я., 1998. Станица Новосвободная и понтийская степь: новый источник решения актуальной проблемы. Проблемы археологии ЮгоВосточной Европы. Тезисы докладов VII донской археологической конференции. Ростов-на-дону, 64-66.
15. Рассемакин Ю.Я., 2000. Квитянская культура: история и современное состояние проблемы. Stratum plus, 2. Рождение Европы (ред. Манзура И.В.), 117-177.
16. Рассемакин Ю.Я., 2001. Подвески болгарского типа как специфический индикатор миграционных процессов на рубеже энеолита-раннего бронзового века в понтийских степях. XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 17-2 1 апреля 2001 г. Оренбург: 000 “Оренбургская губерния”, (ред. Н.Л. Моргунова), 104-106.
17. Рассемакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л., 2001. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения “постстоговских” погребений. Археологический альманах 10 (ред. Колесник А.В.). Донецк, 7 1-86.
18. Рассемакин Ю.Я., Кубышев А.И., 1990. Об одной группе позднеэнеолитических погребений в Приазовье с элементами трипольской культуры. Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тезисы докладов 1 полевого семинара (ред. В.Г. Збенович). Тальянки, 187-190.
19. Рассемакин Ю.Я., Куприй С.А., 2001. Новые позднеэнеолитические погребения степного днепропетровского Правобережья. Археологічні відкриття в Україні 1999- 2000 рр. (ред. д.Н. Козак). КиУв, 35-42.
20. Спіщина Л.А., 2002. Археологічні культури пізнього енеоліту - ранньої бронзи дніпро-донського межиріччя (за матеріалами поселень). Автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ.
- Телегин д.Я., 1971. Енеолітичні стели і нижньомихайлівського типу. Археологія, 4, 3-17.

21. Черненко Е.В., Збеневич В.Г., Бреловская Э.И., 1972. Отчет о раскопках курганов у с. Ново-Алексеевка Скадовского района Херсонской области Скадовским отрядом Херсонской экспедиции НА АН Украины, Научный архив НА НАН Украины, 1972/3
22. Шилов Ю.А., 1981. Нижнее Поднепровье в середине III - середине II тыс, до н.э. (исследование культурно-исторического процесса). диссертация на соискание степени кандидата исторических наук (рукопись). Научный архив НА НАН Украины, ф. 12/608.
23. Rassamakin Yu., 1999. the Eneolithic of the Black sea Steppe: Dynamic of Cultural and Economic Development 4500 – 2300 BC. M. Levine, A. Kislenko, N. Tatarintseva (introduction by C. Renfrew). Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Cambridge: McDonald Institute Monographs, 59 – 182
24. Rassamakin Yu., 1996. On the Early Elements of Globular Amphora Culture and Other Central European Cultures in the Late Eneolithic of Northern Black sea region. Eastern exodus of the Globular Amphora People: 2950 – 2350 BC (ed. A. Kosko). Baltic – Pontic Studies, 4 Poznan: Adam Mickewicz University, Eastern Institute of Prehistory, 112 – 132
25. Rassamakin Yu., 2002. Aspect of the Pontic Steppe Development (4550 – 300 BC) in the Light of the New Cultural – Chronological Model. Ancient Interactions: Cambridge: McDonald Institute Monographs, 49 -73.